

ЛИНГВИСТИКА

УДК 821.161.109–1+929Пушкин

Имя и образ Пушкина в поэтическом дискурсе

И. А. Тарасова

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tarasovaia@mail.ru

Объектом исследования выступает поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка, в котором прецедентное имя «Пушкин» встречается более 1000 раз. На материале поэтических текстов двух столетий прослеживается, как формировался образ первого русского поэта в поэтическом дискурсе, какие ассоциации и коннотации сопровождают его имя.

Ключевые слова: поэтический дискурс, Национальный корпус русского языка, А. С. Пушкин.

The Name and Image of Pushkin in Poetic Discourse

I. A. Tarasova

Irina A. Tarasova, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tarasovaia@mail.ru

The research focuses on the poetic sub-corpus of the Russian National Corpus in which the precedent name 'Pushkin' occurs 1,000 times. Based on the poetic texts of two centuries the author traces the formation of the first Russian poet's image in the poetic discourse, as well as associations and connotations accompanying his name.

Keywords: poetic discourse, the Russian National Corpus, A. S. Pushkin.

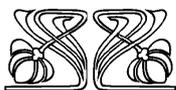
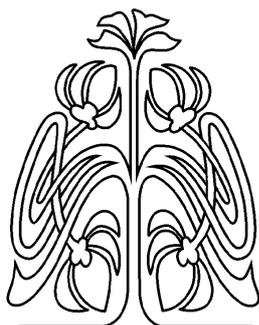
DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-128-133>

Под поэтическим дискурсом в статье понимается интертекстуальное пространство русской поэзии. К этому поэтическому пространству приложимы признаки дискурса, отмеченные Ю. С. Степановым: «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир»¹.

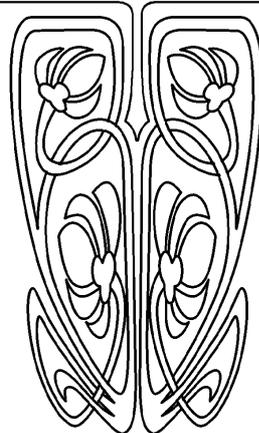
У каждого дискурса – свои прецедентные тексты и прецедентные имена, специфические концепты и ключевые образы. Для поэтического дискурса, без сомнения, к числу прецедентных относятся имя и образ Пушкина.

Адекватной репрезентацией поэтического дискурса можно считать поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка, в котором прецедентное имя «Пушкин» встречается более 1000 раз, что соотносимо с частотой традиционных поэтических символов².

Проблема корпусного исследования литературного имени поднимается в статье Л. Шестаковой³. Проследивая по корпусным данным функционирование в поэзии имени *Тютчев*, исследователь акцентирует внимание на нем как на эстетическом знаке, анализируя поэтику имени (вопроизводимость при точном и неточном цитировании строк Тютчева, соположение с другими поэтическими именами, вынесение в сильные текстовые позиции и др.). Наша задача иная: проследить, как формируется образ первого русского поэта в поэтическом дискурсе, какие ассоциации и коннотации сопровождают его имя⁴, формируя художественный концепт⁵.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Обозначим кратко основные этапы обращения к пушкинскому имени в русской поэзии.

Первые упоминания фамилии «Пушкин» в поэтических посланиях Вяземского и Жуковского имеют своим референтом Василия Львовича – таким образом, имя «Пушкин» является отмеченным знаком поэтического дискурса еще до вхождения в поэтический круг А. С. Пушкина: неслучайно племянник называет дядю «парнасский мой отец» (А. С. Пушкин «Послание В. Л. Пушкину», 1817)⁶.

Первое употребление имени «Пушкин» автореферентно – оно встречается в лицейских стихотворениях 1814–1815 гг., например, в шутилке «Эпитафии» («Здесь Пушкин погребен...»).

Следующий круг упоминаний исходит от поэтов-лицеистов. А. Дельвигу принадлежит первая характеристика поэтического таланта юного поэта: «Пушкин! Он и в лесах не укроется. Лира выдаст его громким пением...» (А. Дельвиг «Пушкину», 1815). Другое стихотворение А. Дельвига сопоставляет имена Пушкина и Державина («На смерть Державина», 1816). Вопросы поэтического мастерства и судьбы поэта обсуждаются в стихотворном послании А. С. Пушкину 1817 г.

Еще одним поэтом-лицеистом, адресующим Пушкину свои послания, является В. Кюхельбекер («К Пушкину и Дельвигу», «К Пушкину», «К Пушкину из его нетопленной комнаты»). Имя Пушкина-поэта проходит и через более поздние стихотворения этого автора: «Тебя приветствую, Поэт!» (В. Кюхельбекер «К Пушкину», 1818); «Как перуны Сибирских гроз, его златые струны Рокочут <...> Пушкин, Пушкин! это ты!» (В. Кюхельбекер «19 октября 1836 года»).

Выход поэзии Пушкина из лицейского круга знаменует полемически направленное стихотворение Ф. Тютчева «К оде Пушкина на вольность» (1820), посвященное вопросу предназначения поэта и поэзии. Облик «парнасского шалуна» запечатлен в стихотворении К. Рыльева «Пустыня» (1821); «ветреник блестящий, Всё под пером своим шутя животворящий» – Пушкин у Е. Баратынского (Е. Баратынский «Богдановичу», 1824).

В 1820-е гг. А. С. Пушкин – постоянный адресат поэтических посланий современников. Свои стихотворения ему посвящают П. Плетнев и Н. Языков (неоднократно), Н. Гнедич и Ф. Глинка, С. Шевырев и П. Катенин, Е. Баратынский и Д. Веневитинов. В. А. Грехнев убедительно показал, что образ адресата послания конструируется по законам жанра⁷. Тем не менее, можно установить круг типичных ассоциаций, мотивов, сопровождающих имя поэта.

Так, послание Д. В. Веневитинова исполнено истинного поклонения: Пушкин для адресанта – поэтический мэтр, снисхождения которого снискает «младой» сочинитель («мэтру» в момент написания послания 27 лет!), «гений», «возвышенный певец». Поэтическая слава Пушкина, хотя и подсвеченная доброй иронией, подается Н. М. Языковым через сопоставление с евро-

пейскими гениями: «...один – Вольтер и Гете и Расин – Являлся Пушкин знаменитый» (Н. Языков «П. А. Осиповой», 1827).

Мотив судьбы поэта впервые возникает в стихотворении Н. М. Языкова: «Где Пушкин, не сражен сурово судьбой, / Презрев людей, молву, их ласки, их измены, / Священнодействовал при алтаре Камены» (Н. Языков «К няне А. С. Пушкина», 1827). Эта же тема развивается Ф. Туманским: «Не изменил он назначенью, / Главы пред роком не склонял, / И, верный тайному влеченью, / Он над судьбой торжествовал» (Ф. Туманский «Пушкин», 1829).

Таким образом, поэтический дискурс 1810–1830-х гг. запечатлел и образ романтического Поэта, в значительной мере условный⁸, и зарождающуюся мифологему «судьба поэта»⁹, неразрывно связанную в русской культуре с именем Пушкина. Основные ассоциативные линии, исходящие от имени «Пушкин» в стихотворениях современников, это: Пушкин – гениальность, Пушкин – легкость, Пушкин – вольность.

Интерфейс сайта Национального корпуса русского языка позволяет проследить распределение интересующей исследователя лексики по годам.

Первый «максимум» употребления имени «Пушкин» наблюдается в 1837 г. Гибель поэта вызвала массу поэтических откликов (П. Вяземский «На память», А. Кольцов «Лес», А. Родзянка «На смерть Александра Сергеевича Пушкина», Э. Губер «На смерть Пушкина», А. Полежаев «Венок на гроб Пушкина», В. Кюхельбекер «Тени Пушкина» и др.).

Следующий, после 1837 г., пик обращения к имени Пушкина приходится на 1880 г. – в связи с открытием памятника поэту работы Александра Опекушина.

На торжествах, посвященных этому событию, прозвучали известные речи Достоевского и Тургенева. Откликнулись на него и поэты: А. Майков, А. Плещеев, Я. Полонский, К. Случевский, А. Фет, А. Жемчужников (речь идет о текстах, представленных в Корпусе). Основные мотивы, звучащие в этих стихотворениях:

- мотив гордости за Россию (А. Майков);
- мотив верности правде, добру и красоте (А. Плещеев);

- мотив всемирной отзывчивости Пушкина, поэтического мессианства (Я. Полонский);

- мотив противопоставления пушкинской гениальности и свободолобия суетливой пошлости современной жизни (А. Фет, А. Жемчужников).

В целом на протяжении XIX в. ассоциативное поле имени «Пушкин» обогащается следующими смысловыми линиями, по которым реконструируется ассоциативный слой концепта:

- гармония: «стихи медоточивые» (Кюхельбекер), «стих звучный, легкокрылый» (Вяземский), «гармонии небесной <...> нежданная струя» (Майков), «легчайший стиха образец» (Бальмонт);

– *красота*: «царство вечной юности И вечной красоты» (А. Майков), «Ты примиряешь с жизнью, утоляя Нам жажду сердца вечной красотой» (Д. Мережковский);

– *свобода*: «пророк свободы» (Н. М. Языков), «свободы и правды смелой слово» (А. А. Григорьев), «из вольных мыслей сфер» (А. Жемчужников), «песни вольные в мечтаньях создавал» (А. Голенищев-Кутузов), «Мятежный Пушкин, полный байронизма / И пышных грез, мне нравился тогда», «в ужасный век Сумел ты быть свободным и счастливым» (Д. Мережковский);

– *слава*: «Лавр Пушкина» (А. Майков), стал «бронзой Пушкин молодой» (И. Анненский), «эхо славы» (Я. Полонский); «Свой чуткий слух поэт насторожил. Его зовут, ему поется слава» (П. Якубович), «пушкинская слава, Как прежде, светит нам, покойно-величава» (Н. Минский);

– «*русский дух*»: «Пушкин! ты в своих созданиях / Первый нам самим открыл, / Что таится в духе русском / Глубины и свежих сил!» (А. Майков); «Возрождение русской Музы» (Я. Полонский), «Пушкин, вещий сын земли родной» (К. Случевский);

– *вдохновение*: «Тебе молюсь, тебе внимаю / И за тобой стремлюсь сам»; «Благодарю тебя! Ты скрасил бытие / Своим волшебным вдохновеньем» (К. Фофанов); «Блажен <...> / Кого пленяла Пушкинская лира, / Кто сам ее касался дивных струн» (С. Соловьев).

В поэзии Серебряного века Пушкин предстает, прежде всего, как образец поэтического мастерства: «Ты, Валерий, Пушкина лиру поднял» (С. Соловьев «Валерию Брюсову», 1905); «Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и Пушкин – согласно / В явные знаки вплели скрытых намеков черты» (В. Брюсов «Начинающему», 1906); «Но, ответа страшась, судьбу спросить не смею, / Пушкину равный поэт будет у нас когда» (Г. Иванов «26 августа 1912 г.»). Пушкин вдохновляет поэтов и поддерживает на творческом пути: «Моя душа, как мох на кочке, / Пригрета пушкинской весной» (Н. Клюев «Где рай финифтяный и Сири...», 1916–1918).

Дерзкая попытка отодвинуть Пушкина, заменить его имя новыми поэтическими именами принадлежит Игорю Северянину: «Во времена Северянина / Следует знать, что за Пушкиным были и Блок и Бальмонт!» (И. Северянин «В блестящей тьме», 1913).

Пушкин привлекает авторов Серебряного века не только как поэт, но и как яркая личность. Личностные интонации окутывают образ Пушкина у М. Цветаевой, создающей сцену встречи с поэтом («Встреча с Пушкиным», 1913). Бытовыми подробностями жизни поэта насыщен цикл Т. Вечорки «Пушкин» (1915–1919). Факты своей жизни сравнивает с биографией Пушкина Г. Иванов: «И, возвращаясь с лицейской пирушки, / Вспомнив строчку расстрелянного поэта, / Каждый бы подумал, как подумал Пушкин: / “Хорошо, что я не

замешан в это”...» (Г. Иванов «Пушкина, двадцатые годы...», 1919).

Наряду с образом Пушкина и его стихами в поэзии начала века начинает жить памятник Пушкину – как непрменная составляющая города-текста (сначала – Московского, затем – Царскосельского).

Что касается Петербургского текста русской литературы, то его элементом является не памятник (он появился в Ленинграде только в 1957 г.), а сам Пушкин, поэт, в творчестве которого Петербургский текст нашел одно из своих первых и образцовых воплощений. Городом Пушкина и Достоевского назван Петербург у В. Брюсова («К Петрограду», 1916); «Великий и священный Град, Петром и Пушкиным созданный» – Петербург у И. А. Бунина (И. Бунин «День памяти Петра», 1925); «город, Пушкиным любимый» – у В. Набокова (В. Набоков «Петербург», 1921).

Для поэтов эмиграции имя Пушкина вообще ассоциируется прежде всего с Петербургом (В. Набоков, Г. Иванов, Г. Адамович, Игорь Северянин, И. Елагин, М. Вега, И. Чиннов и др.).

Для советских поэтов памятник Пушкину – обязательная деталь Москвы.

История взаимоотношений лирического героя и памятника Пушкину в Москве образует самостоятельный сюжет внутри пушкинского текста советской поэзии. Наиболее известный вариант этого сюжета – воображаемый диалог лирического героя Маяковского и Пушкина (памятника и человека). Однако коллизии, связанные с памятником, встречаются и в поэме-повести «Записки поэта» И. Сельвинского (1917–1925), в поэме Н. Асеева «Маяковский начинается» (1936–1939), в стихотворении С. И. Кирсанова «Неподвижные граждане» (1935).

Маяковского отличает двойственное отношение к Пушкину: как футурист, он поддерживает корпоративное нигилистическое отношение к Пушкину-классику: «А почему / не атакован Пушкин? А прочие / генералы классики?» (В. Маяковский «Радоваться рано», 1918). Но этот нигилизм распространяется у Маяковского на Пушкина («в роли монумента»: «Я считаю, / обходя / бульварные аллеи, скольких / наследили / юбилеи? Пушкин, / Достоевский, / Гоголь, Алексей Толстой / в бороде у Льва. Не завидую – / у нас / бульваров много, каждому / найдется / бульвар» (В. Маяковский «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского», 1923). В роли же поэта Пушкин оказывается для него единственным достойным собеседником.

У Маяковского два Пушкина: живой и мумия, символ официальной культуры (мумия – это, конечно, не только памятник, но и «хрестоматийный глянec»). Так же решительно протестует против «монументализации» Пушкина только М. Цветаева («Стихи к Пушкину, 1», 1921).

Сюжет «разговора по душам» с Пушкиным, отразившейся в стихотворении 1924 г. «Юби-

лейное» (повод для написания – 125 лет со дня рождения поэта, отмечавшегося в Советской России), нашел вторичное воплощение у советских поэтов, сблизивших имена двух классиков: «Там Маяковский, будто в бреду, / С Пушкиным вел разговор» (М. Светлов «Ночные встречи, 2», 1924–1925). У Т. Вечорки Маяковский «идет <...> памятнику Пушкина терзать жилет» (Т. Вечорка «О Маяковском», 1926).

И в более поздних стихотворениях Маяковский продолжает обращаться к памятнику Пушкина как к живому человеку, очеловечивая памятник, например, оценивая его месторасположение и стремясь и в прямом и в переносном смысле «приблизить» Пушкина к реалиям Советской России¹⁰: «От Пушкина / до “Известий” / шагов двести. Как раз / ему б / компания была...» (В. Маяковский «Шутка, похожая на правду», 1928).

По текстам Корпуса можно проследить эволюцию отношения к образу Пушкина в Советской России.

В первые годы Советской власти имя Пушкина сопровождают полярные коннотации:

– Пушкин – ценность *ушедшего* мира: «На развалинах мира молчи, Пушкина полдневная цевница!» (И. Г. Эренбург «Мои стихи не исповедь певца...», 1920);

– Пушкин – одна из высших неотменяемых ценностей: «– Милый друг, но Пушкина и Блока / Не отнимет у тебя никто» (В. А. Меркурьева «Поскорей, ведь счастье так хрупко...», 1919);

– Пушкин – опора в хаосе исторических перипетий: «Пушкин! Тайную свободу / Пели мы вослед тебе! / Дай нам руку в непогоду, / Помогли в немой борьбе!» (А. А. Блок «Пушкинскому дому», 1921);

– Пушкин – символ трагической судьбы поэта вообще: «Темен жребий русского поэта: Неисповедимый рок ведет Пушкина под дуло пистолета, Достоевского на эшафот» (М. А. Волошин «На дне преисподней», 1922);

– Пушкин – союзник в построении *нового мира*: «К ним тень идет, крылаткой колыхая, / Приветствовать приход большевиков» (Э. Г. Багрицкий «Пушкин», 1923).

Именно последняя ассоциативная линия становится ведущей к концу 1920-х гг. В современный политический контекст вписываются цитаты из Пушкина: «Эпохе сподручней / Огонь, и желчь, / И мужество до конца, / Чтоб жечь, понимаешь, / Глаголом жечь, / Как Пушкин сказал, сердца!» (И. П. Уткин «По дороге домой», 1929); утверждается близость Пушкина советской молодежи: «В палатках молодые разговоры, и Пушкина скандируют стихи» (Б. П. Корнилов «Спасение», 1934); Пушкину приписывается гордость историческими свершениями большевиков: «Пушкин смотрит на нас с колонны, улыбается и молчит. Все прекраснее и чудесней этот славный для нас старик, и его поминает песней всякий сущий у нас язык» (Б. П. Корнилов «Со съезда писателей», 1934).

Так складывается в советской литературе и в массовом сознании миф о «нашем» Пушкине, революционном поэте, участнике освободительного движения, жертве царизма, певце свободы (исключительно политической, а не личной и не свободы творчества).

Для мифа характерно ценностное ядро, в свете которого интерпретируются все факты биографии и творчества. Миф – это стереотип, шаблонность которого уничтожает индивидуально-неповторимый денотат, причем стереотип в данном случае сознательно внедряемый властью в общественное сознание¹¹.

В 1937 г., когда помпезно было отмечено 100-летие со дня гибели поэта, Пушкин был окончательно «канонизирован». Примеры «революционной» трактовки образа поэта, вписывающей имя Пушкина в историю освободительного движения, содержат стихотворения, посвященные этой дате: «Последняя дорога» и «В селе Михайловском» Б. Корнилова (1936), «Стихи о Пушкине» Н. Ушакова (1936), «Дорога» П. Антокольского (1937), «Морошка» М. Зенкевича (1937) и др.

Материалы Корпуса позволяют утверждать, что ассоциативный ореол имени «Пушкин» разделяет советскую и эмигрантскую ветвь русской литературы XX в.

Поэтам-эмигрантам первой волны свойственно:

– «примерять» на себя судьбу Пушкина-изгнанника: «...что, если б Пушкин был меж нами – простой изгнанник, как и мы?» (В. Набоков «Изгнанье», 1925);

– видеть в нем квинтэссенцию русской культуры: «Последний – посмертный – бессмертный / Подарок России – Петра» (М. И. Цветаева «Стихи к Пушкину, 2», 1931);

– осознавать как имя, связывающее с родиной: «Он сделал гордым наш язык, а нас / Он научил быть верными в разлуке» (А. П. Ладинский «Пушкину», 1947).

Можно говорить о том, что и в эмиграции творился пушкинский миф, только в фокус попадали другие грани пушкинского гения: создавался образ поэта-пророка, поэта-жреца, божественного певца гармонии: «“Пушкин!” Вот он, светлый бог, / Как радуга над нашим водоемом» (К. Д. Бальмонт «Русский язык», 1931). Пушкин для эмиграции (в полном соответствии с идеями В. Ходасевича, высказанными в речи 1921 г. «Колеблемый треножник») – культурный символ, средоточие всех ценностей старой России, духовный вождь нации.

Что противостояло этому мифотворчеству?

Миф – это модальность высокого, торжественного регистра: «Довольно шуток. Пушкин был Всерьез. Последний смех божественной стихии» (Б. Б. Божнев «Silentium sociologicum», 1936), поэтому любая шутка, ирония, любое снижение образа миф разрушают. Неслучайно с таким возмущением были встречены литературной эмиграцией строки Г. Иванова, иронически

обыгравшего образ пушкинского поэта-пророка: «Фитиль, любитель керосина, / Затрепетал, вздохнул, потух / И внемлет арфе серафима / В священном ужасе петух» (Г. Иванов «Голубизна чужого моря...», 1955)¹².

Другой способ разрушить миф – очеловечить его, подчеркнуть индивидуализирующие подробности, наполнить живым смыслом. Ивановский талант «двойного зрения» позволяет совмещать высокую патетику и приземляющие детали с высокой лирической нотой: «Всё в этом мире по-прежнему. / Месяц встаёт, как вставал, / Пушкин именье закладывал / Или жену ревновал. / И ничего не исправила, не помогла ничему / Смутная, чудная музыка, слышная только ему» (Г. Иванов «Медленно и неуверенно...», 1931).

Аналогичные тенденции наблюдались в советской поэзии. Мифологизирующей традиции противостояла, с одной стороны, лирическая линия, представленная именами Н. Заболоцкого и Г. Шенгели, а с другой – «неканоническое» использование образа Пушкина обэриутами (Введенским, Хармсом, Бахтеревым). Менее известны иронические тексты Г. Оболдуева и Е. Кропивницкого, доводящие до абсурда идеологию общественного сознания. Так, в пародийной стилизации «славы» Е. Кропивницкого, направленной против «огосударствления» поэта, уже отчетливо ощущаются интонации Дмитрия Александровича Пригова: «Ода Пушкину. Поэт Всеобъемлющий. И нет, / Нет поэта равного. Слава, слава славному / Из поэтов главному. Слава многоликому Пушкину великому!» (Е. Л. Кропивницкий «Ода», 1940).

Если в советском мифе актуализировались революционные, «взрывные» потенции образа Пушкина (которые, впрочем, постепенно сходили на нет по мере смены «Культуры 1» «Культурой 2»¹³), то эмигрантский миф, напротив, изначально сосредоточивался на «культуроохранительной» функции пушкинского имени¹⁴.

Эта функция, тесно связанная с «национально идентифицирующей» функцией культурного героя, актуализировалась в Советской России в годы Великой Отечественной войны. По справедливому замечанию М. Загидуллиной, «миф о Первом Национальном Поэте создает ощущение единства нации “сверху донизу”, способствует консолидации национальных сил»¹⁵. В поэтических контекстах (разного эстетического качества), отразивших единый освободительный порыв, не последнюю роль играет символический образ Пушкина: «И завернуты в Пушкина кавказские яблоки, и сомы серебристые читают “На дне”... Мне и больно и холодно – Россия в невольниках! Ужас мертвого полудня, сдавленный крик. Труп на станции Сербинка деревенского школьника с тонким мятым учебником “Русский язык”» (С. Кирсанов «Сумерки», 1941); «С ручной гранатой иль у пушки, / Иль в диком конников строю / Он слышит, как услышал Пушкин: / “Есть упоение в бою”» (И. Г. Эренбург «С ручной гранатой иль у пушки...», 1942).

Итак, в поэтическом дискурсе первой половины XX в. намечаются три линии в осмыслении образа Пушкина (обозначим их условно риторическая, лирическая и ироническая¹⁶). Они продолжают развиваться в советской поэзии в 1960-е гг. Внесенные в Корпус тексты позволяют утверждать, что в этот период, с одной стороны, актуализируются ёрнические ноты (Леонид Аронзон), с другой стороны, представлена и «серьезная», привычная трактовка пушкинского образа у Вс. Рождественского, Я. Смелякова, Б. Слуцкого, Н. Рубцова (мотивы поэтического мастерства, ученичества и т. д.). Лирическая интерпретация образа Пушкина доминирует в стихотворениях Д. Самойлова.

Празднование в 1974 г. 175-летия со дня рождения Пушкина вызвало новый поток юбилейных стихов чисто риторического плана. Как показала очередная юбилейная дата – 1999 год, – пушкинский миф бессмертен¹⁷. В то же время последнее упоминание имени Пушкина в Корпусе – стихотворение Виктора Кривулина 2000 г. «До Пушкина» (из книги «Стихи юбилейного года») – явно отсылает к мотивам Д. Хармса («Дрался воин первый мечник...»): «пушки пушки против луков / пушкин будущий в уме / луч во тьме... / зря он пишет англичанин: / Русь во тьме» (В. Кривулин «До Пушкина», 2000).

Хочется надеяться, что пополнение Национального корпуса русского языка новыми поэтическими текстами поможет продолжить исследование темы на материале поэзии XXI в.

Примечания

- 1 Степанов Ю. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998. С. 676.
- 2 Так, например, лексема «закат» имеет около 3000 вхождений в Корпус, а оним «Петербург» встречается около 450 раз.
- 3 См.: Шестакова Л. Литературное имя как предмет корпусного исследования // Корпусный анализ русского стиха : сб. науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. В. А. Плунгян, Л. Л. Шестакова. М., 2014. С. 165–193.
- 4 Другие номинации – Александр Сергеевич, Александр, перифрастические наименования в настоящем исследовании не рассматриваются. За пределами данной статьи остается упоминание Пушкина в эпитафиях.
- 5 Теория художественных концептов изложена в нашей работе: Тарасова И. Когнитивная поэтика : предмет, терминология, методы. М., 2018.
- 6 Здесь и далее стихотворные цитаты приводятся по Национальному корпусу русского языка (<http://ruscorpora.ru>) с указанием автора, названия стихотворения и года создания. В отдельных случаях идентификация микроконтекстов ограничена упоминанием фамилии автора.
- 7 См.: Грехнев В. Лирика Пушкина : О поэтике жанров. Горький, 1985.
- 8 Один из первых шагов в изображении Пушкина-человека сделан Н. Некрасовым в цикле «О погоде» (1859). См. об

- этом: *Иезуитова Р.* Эволюция образа Пушкина в русской поэзии XIX века // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 5. Пушкин и русская культура. Л., 1967. С. 113–139.
- ⁹ См. об этом: *Мельничук С.* Двойной концепт «судьба писателя»: лингвокультурная и когнитивная характеристики : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2018.
- ¹⁰ В этом смысле интенция Маяковского вполне отвечала директивным установкам Советской власти конца 1920-х гг. См. об этом: *Ясакова Е. А. С.* Пушкин в литературно-общественной ситуации 1920-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- ¹¹ О пушкинском мифе см.: *Загидуллина М.* Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001.
- ¹² *Арьев А.* Примечания // Иванов Г. Стихотворения. СПб., 2005. С. 629.
- ¹³ См.: *Паперный В.* Культура Два. М., 1996.
- ¹⁴ О мифологических корнях создания образа Пушкина в эмигрантской литературе см.: *Туманов Д.* Образ Пушкина в публицистике Русского Зарубежья // Изв. ЮФУ. Филологические науки. 2009. № 2. С. 135–147.
- ¹⁵ *Загидуллина М.* Указ. соч. С. 193.
- ¹⁶ Автор благодарит за обсуждение материалов данной статьи главного научного сотрудника Государственного музея А. С. Пушкина доктора филологических наук, академика Российской академии образования профессора Н. И. Михайлову, внесшую ценные уточнения в итоговые формулировки.
- ¹⁷ Размышления на эту тему см.: *Сурат И.* Пушкинский юбилей как заклинание истории // Новый мир. 2000. № 6. С. 176–186.

Образец для цитирования:

Тарасова И. А. Имя и образ Пушкина в поэтическом дискурсе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 128–133. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-128-133>

Cite this article as:

Tarasova I. A. The Name and Image of Pushkin in Poetic Discourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 128–133 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-128-133>
